

М. Н. Славятинская

Кафедра классической филологии, Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Россия, Москва

А ГДЕ ЖЕ ГРЕЧЕСКИЙ? (К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ)

Статья посвящена анализу системы и процесса образования в эпоху глобализации. Отмечается необходимость изучения, по словам А. А. Фета, «наших корней» (греко-латинского мира) путем введения изучения древнегреческого и латинского языков.

Ключевые слова: образ, образование, фундаментальный, всесторонний, глобализация, философия образования.

M. Slavyatinskaya

Department of classical philology, Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

WHERE'S THE GREEK? (TO THE PROBLEM OF INTELLECTUAL GLOBALIZATION)

The article is devoted to the analysis of the system and the process of education in the era of globalization. The necessity of studying, according to A. A. Fet, «our roots» (i. e. the Greek-Latin world) by introducing the study of ancient Greek and Latin languages is noted.

Keywords: image, education, fundamental, comprehensive, globalization, philosophy of education.

Автор:

Марина Николаевна Славятинская – кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии МГУ.
slamarnik@mail.ru

Author:

Marina Slavyatinskaya – PhD in philology, associate professor of the department of classical philology, MSU.

Человечество вступило в эпоху глобализации, которая сочетает два противоположных направления: объединительное (создание глобальной культуры, глобализация экономики и пр.) и дифференцирующее (осмысление *своей* истории, национальной культуры, особенностей языка и типов словесности). Это направление имеет целью сопоставление цивилизаций и противостояние нивелирующим процессам глобализации.

Поэтому в настоящее время весьма актуально пристальное внимание к роли эллинской культуры и роли греческого языка античной Греции и Византии в истории формирования европейской цивилизации в целом и славяно-русской в особенности.

Провидец Вергилий уже в «Энеиде» описал разный тип культуры и разную историю эллинского и римского мира:

Excudent alii spirantia mollius aera
 (cedo equidem), vivos ducent de marmore voltus,
 Orabunt causas melius, caelique meatus
 Describent radio et surgentia sidera dicent:
 Tu regere imperio populos, Romano, niemento
 (haec tibi erunt artes) pacique imponere morem,
 Parcere subiectis et debellare superbos.
 (VI, 847–853)

Смогут другие создать изваянья живые из бронзы,
 Или обличье мужей повторить во мраморе лучше,
 Тяжбы лучше вести и движенья неба искусней
 Вычислят иль назовут восходящие звезды – не спору:
 Римлянин! Ты научись народами править державно –
 В этом искусство твое! – налагать условия мира,
 Милость покорным являть и смирять войною надменных!
Пер. С. А. Ошерова

Разная судьба ждала не только эллинов и римлян, но и языки этих народов: греческий и латинский. Ниже речь пойдет о греческом языке античной Греции и Византии в России.

Оказалось, что еще в начале XVIII века в России не изучали древнегреческий язык (или иначе «язык античной Греции и Византии»).

Так, в программе Царскосельского («пушкинского») лицея обращает на себя внимание тот удивительный факт, что среди множества изучавшихся там предметов нет греческого языка, что может считаться свидетельством отчуждения греческого языка от светской культуры и образования¹.

Вот какие предметы изучал Пушкин в Лицее:

- российская и латинская словесность;
- латинский язык;
- основы нравственной философии и логики;
- арифметика, алгебра, тригонометрия;
- физика;
- немецкий язык и немецкая словесность;
- французский язык и французская словесность;
- история права, правоведение;

¹ В духовных учебных заведениях греческий язык всегда (вплоть до настоящего времени) был предметом профессионального изучения (в той или иной степени).

- история российская, иностранная;
- география;
- хронология;
- этика;
- археология;
- история религии;
- политическая экономия, финансы;
- практическая механика;
- идеология, психология, космология;
- фехтование, верховая езда;
- изящные искусства и гимнастические упражнения, плавание;
- хоровое пение;
- артиллерия, морское дело, фортификация;
- нумизматика.

Тип изучения античной культуры легко виден из строф пространной оды любимейшего лицеистами преподавателя словесности Николая Федоровича Кошанского: упоминание об Элладе, Афине, Музах (греч.) и гениях (лат.) стало просто фигурой украшения. Ср. стихи из «Песни на открытие Лицея в Царском Селе»: лицеисты «и быть полезными Отечеству желают // И Муз и гениев Эллады призывают». Такое же отношение к греко-римскому миру видим мы и у Пушкина:

Плещут волны Флегетона,
Своды Тартара дрожат,
Кони быстрого Плутона
Быстро к нимфам Пелиона
Из Аида бога мчат...

«Прозертина»

С течением времени Пушкин осознал роль греческого языка и написал о нем похвальное слово (скорее, высказал мнение, поскольку греческого языка поэт никогда не изучал). В статье «О предисловии к переводу г-на Лемонте басен И. А. Крылова» от 1823 г. он писал: «В XI веке древний греческий язык вдруг открыл [славяно-русскому языку] свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи; словом, усыновил его, избавя таким образом от медленных усовершенствований времени. Сам по себе уж звучный и выразительный, отселе заимлет он гибкость и правильность» [1, с. 27].

I

**Этапы и причины отчуждения греческого языка
античной Греции и Византии****1. Создание на Руси / в России аналога византийской культуры (конец IX–X века) и славянского аналога древнегреческого языка.****1.1. Создание славянской письменности.**

Прямое заимствование византийской культуры, осуществлявшееся путем усвоения греческого языка в его разговорной и книжной формах через прямые контакты с греческими культурными, церковными и политическими деятелями и с греческим населением, естественно, оказалось по многим причинам недостаточным. Славянское население не понимало богослужения, зависимость дипломатической и административной деятельности в славянских странах от носителей греческого языка создавала множество дополнительных препятствий.

Внутренние потребности развития славянских народов, приведшие к теснейшим политическим и культурным контактам с Византией, к необходимости принятия христианства, поставили славянских политических и культурных деятелей перед необходимостью скорейшего и полнейшего овладения византийской и европейской культурой и притом, главным образом, в письменной форме. Это привело к неоднократным попыткам создания славянского письма на основе латинского или греческого алфавитов, о чем свидетельствуют слова черноризца Храбра в его сказании «О письменах»: «Ведь прежде славяне, когда были язычниками, не имели письмен, но (читали) и гадали с помощью черт и резов. Когда же крестились, то пытались записывать славянскую речь римскими и греческими письменами, без порядка... и так было многие годы» (Сказания о начале славянской письменности. Москва, 1981. С. 102).

Характер славянской письменности и славянского литературного языка, да и судьба славянской культуры-посредницы во многом могли бы быть иными, если бы не ряд субъективных обстоятельств, главным из которых было то, что в процесс создания славянской письменности оказались вовлечены сыновья друнгария (военачальника) из Солуни (Фессалоник) Константин (827–869), который в последний год жизни принял монашество и имя Кирилл, и его старший брат Мефодий (815–885), известный только под монашеским именем.

1.2. Создание литературного общеславянского языка.

Специфика истории славянской письменности состоит в том, что она с самого начала была задумана как способ передачи и распространения греческих богослужебных текстов, являвшихся неотъемлемой частью византийской

литературы. Кирилл и Мефодий, будучи образованнейшими людьми своего времени, сразу заложили основы славянского православия и славянского литературного языка. При определении последнего особенно важно подчеркнуть роль греческого языка в сознательном и целенаправленном создании славянского литературного языка. В этом – главное отличие типа и судьбы старославянского языка как литературного от других литературных языков: старославянский язык не является языком эволюционного развития, он был создан в результате определенного творческого акта и четко ориентирован на литературный язык другого народа.

1.3. Переводная с греческого литература как основная часть общеславянской литературы.

Свою переводческую деятельность Константин-Кирилл начал с перевода Евангелия Апрактос ('бездеятельный, праздничный'), то есть с создания сборника текстов, выбранных из четырех евангелий и наиболее необходимых для христианского богослужения. Затем вместе с Мефодием они перевели «Псалтырь» (сборник из 150 библейских песнопений, приписываемых царю Давиду), Послания апостолов (сокращенно «Апостол») и некоторые другие богослужебные книги. После смерти брата Мефодий с учениками закончили перевод Библии, перевели Номоканон – сборник церковных правил, одобренных церковными соборами (в славянских странах этот сборник получил название «Кормчая книга»), была переведена «Цветная Триодь» (Трипесенец).

2. Греческий язык античности и Византии на Руси / в России в XV–XVI веках.

Огромное количество переводов, неизмеримо возросшее с конца XV века, сыграло двойную роль: с одной стороны, они познакомили грамотных людей с содержанием греческих текстов, с другой – оттеснили всех читавших их от непосредственного обращения к греческим текстам:

В XV веке на Руси началась работа по систематизированию накопленного литературного материала. В это время собирали и заново переписывали тексты, относящиеся к конкретному месяцу (жития и мучения святых, слова и т. п.), так возникали «Минеи», предназначенные для чтения (четы).

А в XVI веке под руководством митрополита Макария были составлены Великие Минеи Чети (ВМЧ) – грандиозный литературный монумент, куда вошли многочисленные произведения, иногда очень древние по происхождению: жития (переводные и оригинальные, в том числе новых святых), а также важнейшие духовные сочинения византийских, западных, южнославянских и русских авторов.

В своей работе, посвященной ВМЧ, архимандрит Макарий (Веретенников) приводит внушительный перечень названных лиц. Это – Анастасий, монах Горы Синайской,

святитель Андрей Критский, Антиох, Аркадий Кипрский, Афанасий Александрийский, Брунон – епископ Вюрцбургский, Василий Великий, Василий Селевкийский, Георгий, архиепископ Александрийский, Георгий Экзарх, Герман, архиепископ Александрийский, Григорий Цамблак, Григорий инок, Григорий, папа Римский, Евагрий, Евсевий епископ, Евфимий инок, Евфимий, патриарх Тырновский, Епифаний Кипрский, преподобный Ефрем Сирий, Иоанн Златоуст, Иоанн Дамаскин, Иосиф Волоцкий, Исаак Сирий, Кирилл Александрийский, Леонтий, епископ Кипрский, Максим Грек, старец Памва, Пахомий Серб, Прокл, архиепископ Константинопольский, Севериан, епископ Авальский, Симеон Богослов, Симеон Метафраст, Симеон Месопотамский, Тимофей, архиепископ Александрийский, преподобный Феодор Студит, Феофил Александрийский, Филолог Черноризей и др. Объем этого огромного свода – 27000 страниц убористого текста в два столбца. Весь годовой цикл Четых Миней включает несколько тысяч крупных и мелких (иногда совсем мелких) переводных произведений.

Полный обзор переводных византийско-славянских сочинений – невозможен, однако даже самого общего взгляда достаточно, чтобы стал понятен впечатляющий масштаб переводческой и редакторской деятельности славян и на Руси, определивший содержание наследия византийско-славянской гуманитарной культуры [2, с. 39].

Итак, на Руси / в России XV–XVI века были временем создания славянского аналога византийской культуры и временем создания огромного корпуса переводов с греческого языка, что уничтожило необходимость для грамотных русских людей обращаться непосредственно к греческому тексту. Об этом с горечью писал русский философ Г. П. Федотов. Нужно сказать, однако, что перевод и издание их способствовали появлению большого числа переводчиков, справщиков, типографских рабочих – но все это был весьма ограниченный слой грамотных людей, знающих или знакомых с греческим языком.

А что в это время было в Европе?

Греческий язык в эпоху Возрождения стал элитной, но маргинальной частью культуры. Множество образованных греческих филологов, философов, грамматиков и др., покинувших Византию, побудили образованнейших деятелей Западной Европы обратиться к изданию греческих рукописей и к преподаванию греческого языка.

Альд Мануций (Aldus Manutius, 1449–1515), известнейший книгопечатник, создавая серию книг античных авторов, получившую название «Альдины», издал в пяти томах сочинения Аристотеля.

Эразм Роттердамский (Erasmus Roterodamus, 1466–1536) – главная фигура европейского гуманизма. Он составил большой сборник греческих и латинских изречений, издал текст Нового Завета с комментариями. Эразм был поборником изучения античной Греции, а потому реконструировал древнее произношение греческого языка.

Иоганн Рейхлин (1455–1522) первым в Германии стал преподавать древнегреческий язык, настаивая на чтении текстов в современном «византийском» произношении. Он написал греческую грамматику, издал для нужд школы тексты греческих авторов.

XVI век – век становления текстологии древнегреческих текстов. «Дело с ними обстояло совсем не так, как с изданием латинских. Греческие тексты стали издаваться позже и требовали более редкой квалификации. В XVI в., когда неизданных классических латинских текстов практически не оставалось, а большинство из них существовало уже в десятках разных изданий, *editiones principes* греческих текстов продолжали выходить еще долго. Среди дошедших до нас античных текстов греческих вообще значительно больше, чем латинских. Многие тексты еще нужно было отыскать в закоулках библиотек. Поэтому издательская деятельность этого рода вообще в большей степени напоминала то, чем стала текстология в XIX в.: нужно отыскать по возможности вообще все релевантные рукописи и выделить лучшие из них» [3, с. 259].

Но тем не менее... Совсем недавно (в 2016 г.) вышел в свет перевод философского трактата Франческо Петрарки «О превратностях судьбы» в переводе Ларисы Михайловны Лукьяновой. По словам М. Л. Андреева, творчество Петрарки «определило конфигурацию Возрождения», но к греческому языку он не имел отношения: «Попытка Петрарки овладеть греческим языком не увенчалась успехом. Получив из Константинополя в подарок рукопись Гомера на греческом языке, он писал: „Ваш Гомер нем для меня, вернее, я глух к нему“» [4, с. 356]. Да и Леонардо да Винчи совсем не интересовался греческим языком.

Главным языком европейской культуры оставался латинский язык.

II

Постепенное осознание значимости греческого языка античности и Византии в России в XVII–XVIII веках

Лишь в XVII веке в России стал осознаваться «культурный провал» – полное отсутствие преподавания греческого языка, а тем самым отсутствие переводчиков и специалистов. А Западная Европа уже с XV века включила (древне)греческий язык в число своих культурных ценностей.

В XVII веке в России делались попытки открыть среднюю школу для изучения греческого языка (см. статьи Б. Л. Фонкича и Д. А. Яламаса в сборнике «Двойной портрет – IV» (Москва, 2014)).

Анализ отношения к греческому языку во времена Пушкина должен начинаться с XVIII века, с одной стороны, утвердившего «неприятие» греческого языка, а с другой – готовящего его появление в системе образования. Так, при Екатерине II изучение греческого языка и античного наследия стало делом государственной важности. «Греческий проект» Екатерины казался вполне осуществимым, и императрица прочила в наследники византийских императоров своего внука Константина, который с детства основательно занимался освоением греческого. «Гомер должен был, как некая деталь, входить в декоративное убранство блистательного царствования» (Егунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. Москва, 2001. С. 180).

XVIII век получил у филологов и историков название «век латинизации России». И действительно, латынь была на первом месте в университетских лекциях, читаемых на этом языке, русская словесность использовала латинские мифологические имена, в медицине – была только латынь. И все же... Приезжавшие (в основном, из Германии) в Россию преподаватели университета и образованных при университете двух гимназий не могли не привезти с собой богатый багаж: не только латынь, но и греческий и древнееврейский, а кроме того, интерес к рукописным собраниям греческих текстов в России.

Об уровне университетского образования можно судить по деятельности Иоганна Маттиаса Шадена (1731–1797), приехавшего в Москву в 1756 г. по приглашению первого куратора Университета графа И. И. Шувалова. И. М. Шаден был доктором философии Тюбингенского университета и считался лучшим ученым по богословию. Он читал в университете греческий язык, греческие и римские древности, философские предметы, «введение в свободные науки», еврейский и халдейский языки.

Его сменил профессор из Лейпцига Христиан Фридрих Маттеи (1744–1811), который тоже преподавал и в университете, и в старших классах гимназии. Он проводил занятия по древней словесности и рассказывал о жизни всех латинских и греческих писателей, представлял для изучения их произведения, предлагал примеры для чтения, отмечал лучшие издания и лучших издателей, объяснял

то Ливия и Ксенофонта, то Горациеву науку стихотворства и сочинение Дионисия Галикарнасского о жизни и творениях Исократ; то Квинтилиана и похвальное слово Плиния, и тут же послание св. апостола Павла к евреям; то Эсхинов разговор о добродетели и Вергилиеву Энеиду. <...> Самое главное, что с лихвой перекрывало для него все трудности жизни в Москве (а они, несомненно, были), – это то, что с первого дня своего пребывания он открыл для себя богатство московских собраний греческих рукописей.

Первым из иностранцев он получил возможность с ними работать и приступил к их исследованию с энтузиазмом первооткрывателя. Все время, пока Маттеи жил в Москве, он был захвачен этой работой и чувствовал себя абсолютно счастливым. Своими занятиями с рукописями он быстро стал известен архиепископу Самуилу (1731–1796), которому было поручено провести ревизию этих рукописей, и тот воспользовался возможностью привлечь молодого ученого, обладающего всеми необходимыми знаниями, к этой работе. Около трех лет понадобилось Маттеи, чтобы составить подробное описание греческих кодексов московских Синодальной и Типографской библиотек. Помимо составления каталога, главным занятием ученого было тщательное изучение каждого манускрипта, поиск в них неизданных и неизвестных до того времени сочинений, сличение рукописей одного содержания между собой, поиски вариантов чтения в печатных изданиях сочинений, содержащихся в рукописи, копирование текста кодекса, подготовка его к печати. Одно за другим выходят в свет издания Маттеи с пометой «прежде не издававшиеся, по московским рукописям».

Но жизнь Маттеи в России была нелегкой по многим причинам, и бытовым, и профессиональным. Ученому не хватало общения с зарубежными коллегами, поскольку в России не было людей, способных понять и оценить его научную деятельность, трудно было издавать свои работы из-за отсутствия высокопрофессиональных издательств. Поэтому, начиная с 1778 года он думал о возвращении на родину. Кроме того, Маттеи беспокоился о судьбе классической филологии в Европе. А в России, несмотря на все старания Маттеи и его уже подросших учеников, положение классической филологии оставалось, по словам ученого, по-прежнему жалким и недостойным, и для того, чтобы исследования в этой области начали ценить и уважать, необходима была большая помощь европейских ученых» [5, с. 63–80 *passim*].

Лишь XIX век стал в России веком «приятия» древнегреческого языка и всей античной культуры в систему светского образования и тем самым – фундаментом культуры Серебряного века.

Российская интеллигенция того времени (в основном, выпускники классической гимназии) помогли устоять древнегреческому языку и в XX веке (создание кафедр классической филологии, секторов античной литературы в академических учреждениях).

Но конец XX века и наступивший век стали временем «неприятия» древнегреческого языка в светском образовании. Как и в начале своего пребывания на Руси, древнегреческий язык стал теперь предметом изучения только в духовных учреждениях.

А как же без греческого?

Для понимания сути европейской цивилизации в целом и славяно-русской культуры мало обратить внимание на проблемы изучения языка античной Греции и Византии в разные исторические периоды.

Есть слова, прежде всего нуждающиеся в точном толковании их значения для сопоставления с подобными словами других языков и культур.

1. Как понять без (древне)греческого языка сокровенный смысл тех или иных слов, обозначивших главные понятия европейской цивилизации? И здесь, прежде всего, нужно попытаться определить, что есть ЛОГОС, слово, ставшее опорным в названиях большинства наук. Вот как определяет, вернее, описывает и поясняет значение этого слова выдающийся филолог и философ Алексей Федорович Лосев:

В Европе нет другого такого языка, в котором мысль и ее словесное выражение обозначались бы совершенно одинаково. Конечно, греки очень любили чистую мысль, еще дословную или бессловесную, но она была для них только предварительной и необходимой абстракцией для того, чтобы с привлечением и всех других сюда относящихся абстракций в конце концов получить логос как нечто цельное. Древние греки прославились также и своей бесконечной любовью к слову, к разговорам, ко всякого рода спорам, доходившим до бесконечных прений и даже болтливости. Но эта любовь к словам была только одной частной областью их общего мировоззрения, для общего же мировоззрения мысль и слово были одно и то же [6, с. 32].

Знание *смысла* слова ЛОГОС поможет понять суть науки, называемой «филология» и обычно толкуемой как «любовь к слову». Напомним, что филология выделилась из философии. Поэтому «филология» есть «любовь к *смыслу*, выраженному в слове». Подчеркнуть этот смысл слова «филология» очень важно именно в данное время – время пренебрежения к гуманитарному образованию.

Только такое толкование значения слова ЛОГОС поможет понять смысл первых стихов Евангелия от Иоанна.

Перевод слова ЛОГОС русским словом «слово» сузил смысл начальных стихов Евангелия, о чем написал академик Андрей Александрович Белецкий в статье «Ошибки святого Иеронима»:

Учитывая семантический диапазон греческого ЛОГОС, лучше всего было бы для перевода его на русский язык выбрать из его значений то, что диктуется общим смыслом первых строк Евангелия от Иоанна, а именно: «причина, основа, основание». Итак, приняв во внимание еще и это значение, следовало бы перевести евангельский текст приблизительно таким образом: «В начале была основа, и она была соотнесенной с Богом, и основа была Богом. Она была в начале соотнесенной с Богом. Все возникало из нее и без нее ничто не возникало». Можно сказать, что в данном тексте «логос» – основа, первооснова, причина, первопричина – понимается как аристотелевская «движущая сила», как двигатель, давший толчок для сотворения мира. Различие между аристотелевским пониманием этого двигателя и христианским пониманием логоса-первопричины заключается в том, что логос не только был причиной сотворения мира, но и продолжает действовать в нем.

Замена греческого «логоса» латинским *verbum* – это первая ошибка святого Иеронима. <...> В традиционных переводах на европейские языки и, в частности, на русский, следом за святым Иеронимом и его *verbum* переводится как «слово». Из-за такого перевода начало Евангелия от Иоанна стало загадочным и вызвало много толкований, в основе которых было ошибочное отождествление греческого *logos* с латинским *verbum*. Этот «буквальный» и необоснованный перевод затуманил содержание греческого текста [7, с. 106].

2. Как понять первоначальный смысл понятия «свобода» (ἐλευθερία), понятия, столь актуального в настоящее время?

Приведем объяснение соотношения свободы и рабства в античном мире, даваемое А. Ф. Лосевым:

...рабом, как гласит учение важнейших античных философов классического периода (включая Платона и Аристотеля), человек является по рождению, по природе. Он, так сказать, раб по самому своему существу... В античном мире свободные сознают себя рабами общего миропорядка, рабами прежде всего судьбы, рока. Может быть, с иной точки зрения, это рабство более легкое, чем рабство в обычном смысле. Но будем рассуждать не с «иной» точки зрения, а с точки зрения самой же античности. Античный человек ощущает себя в полной зависимости от круговращения душ, которое неизвестно кто направляет, в полной зависимости от рока, преследующего цели, неизвестные никому, в том числе и ему самому. <...> В античности существует резкая иерархия рабства, но это иерархия не по степени зависимости и свободы человека, но по смысловому содержанию самого рабства. Одни рабы в одном отношении, другие – в другом, но все одинаковым образом безответны, одинаковым образом связаны во всей своей жизни и смерти, одинаковым образом ничего не знают о последних основах своего бытия и поведения [8, с. 54–55].

Отсутствие даже элементарных знаний древнегреческого языка суживает понимание античности и ее культуры. Одним из примеров (а их можно привести множество) полного неведения значимости эллинского мира (культурного и языкового) может служить монография «Древние языки в русской литературе XIX века», где на 194 страницах под древними языками понимаются только латинский и (древне-)старославянский. Оговоримся сразу, что создатели этой интересной монографии не виноваты в том, что древнегреческий язык просто не существует (в силу специфики современного российского образования) в языковом сознании филологов и историков. Преподавание древнегреческого языка есть в настоящее время не постоянная системная часть образования (среднего и высшего), а результат деятельности отдельных энтузиастов и высокообразованных руководителей учебных заведений!

Послесловие

Итак, напомним, что эпоха глобализации есть время не только нивелирующего объединения, но и осмысления различий цивилизации.

А как высветить специфику славяно-русской культуры без обращения к языку и культуре античной Греции и Византии? Не поняв особенностей *славяно-эллинского мира*?

Невольно вспоминается начало книги Екклезиаста (1:5–6, 9):

⁵ Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит.

⁶ Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои.

⁹ Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем.

Эти стихи можно толковать печально, если иметь в виду печальную судьбу древнегреческого языка в России. А может, стоит вспомнить культуру Серебряного века, «вскормленного» классической гимназией и надеяться на возвращение эллинов в Россию, на понимание, что русская культура – это культура славяно-эллинская...

Литература

1. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 2. Москва-Ленинград, 1949.
2. *Чернышева М. И.* Уходящие слова, ускользящие смыслы: монография. Москва, 2009.
3. *Шумилин М. В.* Эхил Пьера Веттори и Анри Этьенна: издание греческих текстов в XVI веке // *Науки о языке и тексте в Европе XIV–XVI веков.* Москва, 2016. С. 259–296.
4. *Абрамсон М.* Франческо Петрарка и начало итальянского гуманизма // *Петрарка в русской литературе* в 2 кн. Кн. 2. Москва, 2006.
5. *Тюрина Г. А.* Христиан Фридрих Маттеи // *Двойной портрет – IV.* Москва, 2014. С. 63–80.
6. *Страсть к диалектике: Литературные размышления философа.* Москва, Советский писатель, 1990.
7. *Белецкий А. А.* Ошибки святого Иеронима // *Collegium.* 1993. № 1. С. 104–107.
8. *Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Москва, 1963–1988. Т. 1: Ранняя классика.